

Юй Бай прекрасно чувствовал в этих взглядах подозрение, опаску и невидимое отторжение.

В душе он холодно усмехнулся, но внешне не показал ничего. Будто окружающие его вообще не касались, он спокойно шёл вдоль края площадки, не глядя по сторонам.

Шаги были размеренными, спина прямой. Худое тело отбрасывало длинную тень в утреннем солнце. На нём была самая поношенная одежда, но шёл он с такой уверенностью, словно весь мир вокруг не заслуживал внимания.

Однако перед самым выходом с площадки на дорожку к восточному краю деревни Юй Бай слегка замедлил шаг.

Он не обернулся, лишь немного повысил голос. Звонкие слова прозвучали негромко, но их услышал каждый под софорой:

— Кто дурного не делает, тому и стука призрака бояться нечего.

Фраза упала как камешек в спокойную воду. Лица под деревом стали один другого интереснее: кто смутился, кто рассердился, кто задумался.

Юй Бай чуть повернул голову, краем глаза окинул их выражения и всё тем же спокойным, но весомым тоном добавил:

— Кто добро делает постоянно, тому благословение достанется и детям, и внукам.

Сказав это, он больше не задержался и пошёл к дому старосты, оставив за спиной холодный, решительный силуэт. Под софорой после короткой мёртвой тишины вспыхнули новые, ещё более оживлённые, но приглушённые обсуждения.

— Слышали? Это он к чему сейчас сказал?

— Нас, что ли, уколол?

— Ох и острый язык у этого гэ-эра...

— Хотя... если подумать, он вроде прав. Если бы семья Юй Эрчжу не...

Дальнейшие пересуды Юй Бая уже не интересовали. Семя брошено. А где правда, где ложь — у людей в сердце есть собственные весы.

Он дошёл до восточного края и нашёл дом Чжао Дашаня. Кирпичный двор с черепичной

крышей считался в Таоси одним из лучших. Ворота стояли открытыми.

— Дядя Чжао дома? — крикнул Юй Бай от входа.

Через несколько мгновений из главной комнаты вышел Чжао Дашань. Увидев Юй Бая, он на секунду принял сложное выражение — очевидно, утренние слухи дошли и до него. Потом махнул рукой:

— Юй Бай, заходи.

Юй Бай вошёл, чинно остановился во дворе и сразу перешёл к делу:

— Дядя Чжао, я пришёл попросить вас помочь переоформить на моё имя документы на дом и землю, оставшиеся от отца и папы. Я знаю: родители умерли, а я их единственный ребёнок, значит, имущество по праву моё. Но чтобы потом не было неприятностей, лучше оформить всё открыто и получить бумаги от властей. Тогда спокойнее.

Чжао Дашань посмотрел на ясные глаза и спокойное лицо гэ-эра. Где тут хотя бы след того безумца, о котором болтает деревня? Староста мысленно вздохнул. Ему было жаль ребёнка, но одновременно нравились его решительность и трезвость.

— Правильно говоришь, — кивнул он. — Так и надо. Старые бумаги на дом и землю у тебя сохранились?

— Да. — Юй Бай вынул из-за пазухи выстиранный до белизны старый матерчатый свёрток. В нём лежали отобранные обратно у Ван-ши документы на дом и небольшой участок бедной земли при усадьбе.

Чжао Дашань внимательно просмотрел бумаги и убедился, что всё в порядке.

— Ладно, тут ничего сложного. Ты единственный кровный наследник родителей, имущество переходит тебе по праву. Сейчас я напишу подтверждающую грамоту, потом отвезу тебя в уездное управление. В хозяйственной палате переоформим бумаги, получим новые документы и поставим официальную печать.

— Спасибо, дядя Чжао, — искренне поблагодарил Юй Бай.

Чжао Дашань отмахнулся:

— Что за церемонии. Пока твои родители были живы, мы хорошо ладили. Теперь их нет — присмотреть за тобой естественно. — Он помолчал и понизил голос. — Слышал, твой двоюродный брат ночью опять ходил к тебе неприятности искать?

Юй Бай поднял бровь. Вот это скорость у новостей.

— Не знаю. Я спал очень крепко. Утром только услышал, что он у себя во дворе ногу сломал.

Чжао Дашань внимательно посмотрел на него, но расспрашивать не стал.

— Ты... всё равно будь осторожен. Твои дядя с тёткой не из тех, кто легко успокаивается.

— Знаю. — Юй Бай кивнул. — Пока они меня не трогают, я сам к ним тоже не полезу.

Он не боялся подозрений. Доказательств всё равно нет, а сам Юй Бай за всё это время ни разу не заходил во двор Юй Эрчжу.

Кисть Чжао Дашаня на мгновение застыла. Он поднял глаза и ещё раз внимательно посмотрел на красивое, совершенно спокойное лицо Юй Бая. Староста всё понял и больше спрашивать не стал, снова опустив голову к бумаге.

Есть вещи, которые лучше понять и не произносить вслух. Этого ребёнка отец воспитал хорошо. Теперь Юй Бай оказался намного сильнее и трезвее, чем староста ожидал. И это к лучшему. С такой внешностью слабость сама по себе стала бы для него преступлением. В нынешнем мире слишком мягкому и доброму человеку трудно выжить.

Грамота была готова быстро. Чжао Дашань подсушил чернила и дал её Юй Баю посмотреть. Там говорилось, что родители Ци Юй Бая умерли, он является единственным ребёнком и наследует всё имущество, а староста и деревня подтверждают эти обстоятельства.

— Посиди немного. Я соберусь, и сразу поедem в город, — решительно сказал Чжао Дашань.

Но Юй Бай ответил:

— Дядя Чжао, спешить не надо. Вы пока занимайтесь своими делами, а я схожу переоденусь во что-нибудь чистое. В таком виде в управление идти неудобно. Через полчаса встретимся у въезда в деревню, хорошо?

Чжао Дашань посмотрел на его выстиранную, но выцветшую грубую одежду и кивнул:

— Хорошо.

Юй Бай попрощался. Когда он вышел из двора Чжао, на плечи как раз упал солнечный свет. Он слегка прищурился, наслаждаясь теплом.

Когда дом и земля будут переоформлены, только тогда можно считать, что у него действительно появился корень в Таоси.

Вернувшись от старосты, Юй Бай запер ворота, но переодеваться не спешил.

Он подошёл к бочке с водой, взглянул на расплывчатое отражение и пальцами, измазанными золой из очага, без колебаний провёл несколько полос по собственному слишком заметному лицу.

Серые пятна сразу приглушили яркую красоту и сделали его больше похожим на простого неприметного деревенского гэ-эра.

— Меньше проблем, — пробормотал он отражению.

Опыт апокалипсиса научил: слишком выдающаяся внешность без достаточной силы часто приносит беду.

Закончив, Юй Бай спрятал грамоту и старые документы за пазухой и вовремя пришёл к въезду в деревню.

Чжао Дашань уже запряг вола и ждал на передке повозки. Увидев перепачканное серым лицо Юй Бая, сначала опешил, потом в глазах мелькнули понимание и одобрение. Ребёнок явно умел думать наперёд.

— Садись, — только и сказал Чжао Дашань и щёлкнул кнутом.

Воловья повозка медленно тронулась и покинула Таоси.

Юй Бай впервые по-настоящему увидел деревню целиком. Как и подсказывали воспоминания, её со всех сторон окружали зелёные горы. Вскоре повозка въехала в единственное ущелье, связывавшее Таоси с внешним миром.

По обе стороны поднимались почти отвесные скалы, уходившие высоко вверх, оставляя над головой лишь узкую полосу неба. Зато дорога под колёсами оказалась на удивление ровной. Шириной примерно три метра, она была выложена плоскими камнями разного размера. Повозку потряхивало, но ехать здесь было гораздо удобнее, чем по раскисшей земляной колее, которую представлял Юй Бай.

— Хорошо дорогу сделали, — невольно пробормотал он.

Чжао Дашань услышал и с некоторой гордостью ответил:

— Ага. Предки поколение за поколением строили. Особенно последние десятки лет — каждый год в свободное от полевых работ время собираем людей, ремонтируем и подкладываем камни. Иначе в дождь или снег отсюда вообще не выберешься. — Он указал на свет в конце ущелья. — Пройдём это ущелье в десять ли, потом ещё два ли — и выйдем на государственную дорогу.

<http://bllate.org/book/19010/1867554>